

А. Д. Дмитриев

ДВИЖЕНИЕ LATRONES КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Современные англо-американские апологеты империализма в своих трудах по истории Римской империи обычно расточают бесконечные похвалы римскому господству над покоренными народами, рисуя идиллическую картину «римского мира» в эпоху ранней империи. Зенит римского господства — эпоху Антонинов они обычно изображают как «счастливейший век», когда римское господство стало якобы благом для всех покоренных народов.

Нельзя не заметить, что, воспевая «счастливейший век» и «римский мир» (*paх Romana*), буржуазная историография в угоду классовым интересам империалистов почти точно повторяет тезисы придворных римских писателей первых двух веков. Нуждаясь в некоем моральном оправдании террористических методов римского господства, официозная римская литература выдвинула в то время лозунг «*paх Romana*» и сделала его девизом римского владычества. Идею «римского мира» возвеличивал Плиний Старший¹; ее прославлял Плутарх, называя Римскую империю «якорем спасения», который навсегда приютил в тихой гавани мир, долго обуреваемый и блуждавший без кормчего². С еще большим энтузиазмом восхвалял римское господство один из самых красноречивых ораторов древности знаменитый софист Элий Аристид. В своей напыщенной речи, обращенной к Марку Аврелию и Веру, он говорил: «Земля сбросила с себя прежнюю военную одежду и убралась в мирный и праздничный наряд. Теперь и эллины и варвары могут путешествовать повсюду, разъезжая вперед и назад за пределами своей страны, как бы проезжая из одной части родины в другую. Теперь не страшны ни узкие киликийские проходы, ни песчаные дороги через Аравию и Египет, ни непроходимые горные цепи, ни широкие реки, ни неведомые варварские племена: для безопасности достаточно быть римлянином или, лучше сказать, вашим подданным. Благодаря вам осуществились слова Гомера: „земля есть общее достояние“ ...Вы дали всем общие законы, уничтожили повсюду прежние порядки, которые прославлялись в преданиях, а на деле были невыносимы, и, сочетав между собой все народы, сделали весь мир подобным единой семье» (XXVI, 28, 63, 65).

Советская наука, признавая исторически прогрессивную роль Римской империи, не может при этом забывать того, что это было классовое рабо-

¹ Plin., NH. XIV, 2; ср. Strabo, VI, 4, 2.

² Plut., De fort. Rom., 2; ср. Epictet., Diss., III, 13, 9.

владельческое государство, диктатура небольшой кучки паразитирующих рабовладельцев над многомиллионной массой производительного населения Италии и покоренных ею стран. Для трудящегося населения покоренных стран римское господство означало общее рабство рожденных свободными людьми, обязанных в немом повиновении производить материальные блага для своих благоденствующих господ. Примитивные черты жизни и быта, низкий культурный уровень развития, несмотря на повсеместное и широкое распространение римской цивилизации, оставались уделом миллионов трудящихся людей. Но, кроме того, в своей основной массе они были еще лишены всяких средств производства, обезземелены и обращены в рабов и колонов.

Поэтому вполне естественно, что среди многомиллионного трудящегося населения римских провинций росло не только резко враждебное отношение к римской культуре и римским порядкам, но и чувство непримиримой ненависти к эксплуатировавшим его римским колонистам, римским властям и римскому государству вообще. Это неизбежно приводило к усилению и нарастанию в провинциях широкой народно-освободительной борьбы. Со времени установления империи очаги освободительного движения перемещаются из Италии в провинции. Террористические методы, при помощи которых внедрялся повсеместно «римский мир», создавали постоянно углублявшиеся противоречия между римскими колонизаторами и поработченными массами провинций, все более усиливали ненависть этих масс к своим угнетателям, обостряли классовую борьбу.

«Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»¹. Идея «римского мира» и «единого отечества» для всех народов существовала только в головах придворных поэтов и писателей. В действительности, во всех провинциях во все время римского владычества происходила перманентная война, в большей или меньшей степени ожесточенная и упорная борьба туземного населения против культурного хищника, которая охватывала одинаково как свободных, так и тех, кто уже находился под ярмом рабства.

В условиях свирепого военного режима эта борьба принимала различные формы — от скрытого пассивного сопротивления и одиночных выступлений до открытых огромных восстаний, принимавших зачастую характер настоящих войн. Особенно большое развитие в эпоху ранней империи получили открытые выступления отдельных вооруженных отрядов беглых рабов, к которым в большом количестве присоединялись обезземеленные и разоренные земледельцы. В связи с этим бегство рабов и колонов приобрело в ранней империи характер большого социального бедствия. *Fugitivi* стали представлять весьма серьезную угрозу для спокойствия и благополучия римских колонистов во всех провинциях, и императорские эдикты настойчиво побуждали представителей власти на местах к энергичной борьбе с беглыми и к жестокому наказанию захваченных беглецов. Достаточно пробежать глазами страницы *Дигест*, особенно в разделах, касающихся криминальных дел, чтобы убедиться в том. Мы видим, что римская юриспруденция ранней империи фиксирует свое особое внимание на вопросе о беглых и целым рядом меропрятий тщетно пытается прекратить бегство рабов или, по крайней мере, ослабить его. И это не только потому, что бегство рабов причиняло материальный ущерб собственникам и казне². Нельзя при объяснении причин упорной

¹ История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

² *Dig.*, XLVII, 2, 60: *servum fugitivum sui furtum facere intelligitur; cp. Dig.*, XI, 4, 1: *is qui fugitivum celavit fur est.*

борьбы римского правительства против бегства рабов останавливаться только на этом моменте. В данном случае, несомненно, интересы государственной безопасности превалировали над частными интересами собственников или над соображениями фискального порядка, так как с точки зрения законодателя беглый раб считался не только вором, укравшим самого себя у владельца, но и опасным врагом самых устоев государства, *hostili animo adversus rem publicam animatus* (Dig., XLVIII, 4, 11). Поэтому законодатель стремится подавить у рабов даже самую мысль о бегстве, и еще одно только намерение рабов убежать объявляет наказуемым. Юрист Целий пишет, что «беглым рабом является уже тот, который выходит из дому с мыслью больше не возвращаться к хозяину», хотя бы фактически он и не бежал (Dig., XXI, 1, 1, 17). «Хотя бы он, переменив намерение, вернулся к нему (хозяину); ведь никто, сказал он, благодаря своему раскаянию, не становится невиновным в своем прегрешении» (там же). Тот же Целий приводит случай, когда раб бросается в Тибр; если он ушел от своего господина с намерением покончить с собой, он не беглый; но если же он раньше думал о бегстве и, изменив свое решение, пошел утопиться, он считается беглым. И Ульпиан прибавляет: «Все то, что пишет Целий, совершенно верно» (Dig., XXI, 1, 17, 6).

Несмотря на все мероприятия, бегство рабов все усиливалось. Какое большое развитие в римских провинциях получило бегство рабов в век Антонинов, ясно видно из того, что на борьбу с беглыми правительство бросало большие военные силы и привлекало к этому делу не только войско, полицию и местную администрацию, но и частных лиц. Все магистраты, все военные и гражданские власти, каждый человек, принадлежавший к администрации, все муниципальные города и все *domines* и *possessores* обязывались всячески содействовать правительству в розыске и задержании беглых¹. По сенатскому постановлению, цитируемому Ульпианом, никто из землевладельцев не имел права впускать в свои владения беглецов. Виллиги или прокураторы были обязаны выдавать беглых их владельцам или доставлять их властям. Сами же владельцы обязывались под угрозой большого штрафа (*multa etiam centum solidorum*) содействовать розыску беглецов (Dig., XI, 4, 2). Тот, кто «по человеколюбию или по состраданию» давал у себя приют беглецам, делался соучастником их бегства и подлежал суровому наказанию².

Нельзя, однако, говорить, что бегство рабов и разоренной свободной бедноты являлось в ранней империи только пассивной формой классовой борьбы. Напротив, оно являлось необходимым условием для активной борьбы против римских колонизаторов. В обстановке террористического режима, царившего в провинциях, только бегство давало возможность угнетенным объединиться и вооружиться для освободительной борьбы.

В римской юриспруденции все эти беглецы, выступавшие против рабовладельцев с оружием в руках, получили название *latrones* — «разбойники». Этот термин, часто встречающийся в юридических, эпиграфических и литературных памятниках императорской эпохи, скрывает от нас истинную сущность дела и извращает подлинный социальный смысл выступлений этих *latrones*. Известно, что впервые понятие «разбоя» (*latrocinium*) и «разбойника» (*latro*) было введено в римское право консульским законом 77 г. до н. э. специально для борьбы с развившимся тогда движением беглых рабов и обезземеленных крестьян, которые, объединяясь в небольшие вооруженные отряды, бродили по Италии и нападали на виллы итальянских рабовладельцев. Несомненно, термин *latro* был заимствован римскими

¹ Dig., XI, 4; cp. XLIX, 16, 4; CI, VI, 1, 1.

² Dig., XI, 4, 3; cp. CTb, V, 9, 1, 2.

юристами у греков. Как показали исследования М. Курторга, в древней Греции слово *λάτρις* вполне соответствовало слову *μισθός*, означавшему наемника, наемного раба. Такие наемные рабы наполняли в подавляющем большинстве греческие города и селения, так как отдача владельцами своих домашних рабов в наймы была очень распространена. Для обозначения такого наемного раба, кроме слова *μισθός* греки употребляли также слово *λάτρις* или *λατρεύς*; впоследствии слово *λάτρις* стало обозначать вообще пленника, проданного в рабство¹. В таком понимании это слово не выходило из употребления у греческих писателей до позднейших времен. Его мы встречаем, например, у византийского писателя VII в. н. э. Феофилакта Симокатты (I, 11, 12).

Занеся это слово, римские юристы придали ему смысл чисто юридического уголовного термина для обозначения, очевидно, мятежного раба, который, убегая от своего владельца, предавался разбою (*latrocinium*), т. е. открыто нападал с оружием в руках на имущих лиц. Однако из очень многих юридических текстов мы можем ясно видеть, что в противоположность юридическим терминам *grassatores*, *depraedatores*, обозначающим простых грабителей и убийц, термин *latrones* всегда имел более широкое значение; его применяли ко всякого рода мятежникам, вообще ко всем врагам существовавшего порядка, и в данном случае этот термин приобретает не столько уголовный, сколько политический смысл. Так, в эдикте Марка Аврелия от 167 г. христиане, считавшиеся опасными для общественного спокойствия, ставятся в один ряд с *latrones*². В эдикте Аркадия и Гонория от 399 г. некоторые африканские племена, отказавшиеся платить поземельный налог, названы *latrones* (CTh, VII, 19, 3). В соответствии с этим римские писатели часто применяют этот термин и к мятежникам-узурпаторам. Так, Максимин, провозглашенный в 235 г. частью войск императором и начавший борьбу против сената, называется *latro*, а его солдаты — *latrones*³. Богатый александрийский купец Фирм, возглавивший в 272 г. сепаратистское движение в Египте и оспаривавший власть у Аврелиана, также называется *latro* (SHA, Firm., 2, 1, 3). Вооруженные выступления и движения угнетенных масс обычно называются у римских писателей *latrocinia*, а сами носители их — *latrones*, *latrunculi*. Так, например, Аврелий Виктор называет багаудов «шайкой разбойников» (*De caes.*, 39, 17), а Августин даже Спартака и бежавших с ним гладиаторов называет «маленькой и презренной шайкой разбойников» (*De civitate dei*, IV, 5). Они вели войну против государства, но юристы не называли их *hostes* — врагами, так как по римским обычаям, как говорят Помпоний и Ульпиан, *hostes sunt, quibus bellum publice populus Romanus decrevit, vel ipsi populo Romano: caeteri latrunculi vel praedones appellantur*⁴. На этом основании даже те варварские народности, которые вторгались на римскую территорию без формального объявления войны, квалифицировались также как *latrones*, *latrunculi*.

Таким образом, если писать историю социальных движений и социальной борьбы в Римской империи с классовых позиций римских писателей, как это обычно делают буржуазные историки, то получится, действи-

¹ *Etymologicon Magnum*, 557, 34: *λάτρις, ὁ ἐπὶ μισθῷ δουλεύων* *λάτρον γὰρ ὁ μισθός*; 557, 40: *τοῦτο ἐκ τοῦ λάτρις, ὃ σημαίνει τὸν μισθόν, δούλον*. См. М. Курторга, Собр. соч., т. I, СПб., 1894, стр. 209, 210.

² *Dig.*, XLVIII, 13, 4, 2. *Ср. Dig.*, 1, 18, 13 pr.; *Tertul.*, *Apolog.*, 10. См. рассказ о мучении Поликарпа, который при Антонине Пие был арестован диогмитами, обычно исполнявшими роль жандармов, разыскивавших *latrones* («*Vita Polycarpi*», ed. *Dressel*, стр. 7); *ср. R. Sagnat*, *De municipalibus et provincialibus militibus in imperio romano*, Paris, 1880, стр. 38, прим. 6.

³ *SHA*, *Maxim. et Balbin.*, 2, 5, 10.

⁴ *Dig.*, XLIX, 15, 24; *ср. L*, 16, 118.

тельно, история «разбойничьего движения». Вожди этого движения предстанут перед нами только как «атаманы разбойничьих банд», а сами массы явятся только дикими и злобными разбойниками, «отбросами» римского общества, несущими своим движением только «бессмысленные» опустошения, убийства и грабеж. Буржуазная историография так действительно и расценивает все движения угнетенных масс в Римской империи. Мощное движение багаудов, например, обычно трактуется в буржуазной науке, как движение «разбойничьих, грабительских банд», и поэтому оправдываются все террористические мероприятия римского правительства, направленные против них¹. Уже начиная с Моммсена в буржуазной историографии считают буколов «настоящими разбойниками», скрывавшимися от римской полиции в болотистых местах Дельты². Спаркиев называют «бандами наемных фанатиков-убийц», «разными отбросами общества», «заправскими грабителями, терроризировавшими страну»³. Об ассириках пишут, как о «бандах темных личностей», как о разбойниках и кондотьерах», называют их «дикими зверями, спущенными с цепи», или считают их просто «сбродом оборванцев и авантюристов»⁴. Такое слепое следование за римскими писателями в оценке массовых движений в Римской империи свидетельствует лишь о порочности буржуазной методологии и о классовой ограниченности буржуазных историков. Их методология и их буржуазная природа мешают им правильно осмыслить движения угнетенных масс античного мира и, в частности, движение так называемых *latrones*.

Тщательное изучение движения *latrones* позволяет установить, что оно было стихийной формой протеста широких народных масс против порабощения, особой формой классовой борьбы угнетенных, вынужденных перед лицом жестокого и сильного врага в условиях террористического режима вести своего рода партизанскую борьбу. Конечно, нельзя при этом все упоминания наших источников о выступлениях *latrones* относить за счет социальных движений порабощенных масс. Мы знаем, что в Римской империи был сильно развит и простой уголовный бандитизм, который очень часто являлся неизбежным спутником стихийных массовых движений. Но, с другой стороны, для нас должно быть несомненным, что далеко не все *latrones* римских источников являлись только обычными разбойниками. Мы легко можем видеть у римских писателей основную тенденцию выступлений *latrones* — их чисто классовую целеустремленность, иногда очень ярко выраженную, и легко можем очистить ее от всяких побочных наслоений, являющихся лишь выражением классовых антипатий писателя. И тогда для нас станет совершенно ясным, что эти *latrones* в действительности были народными мстителями, борцами за освобождение от социального гнета, направлявшими свое оружие против римского господства, против угнетающих народ римских порядков.

Юридические тексты не оставляют сомнений в том, что в своем подавляющем большинстве *latrones* были *servi fugitivi*, а затем всякого рода *inopes*, *egentes*, *plebei*, *humiles*, *humiliores*, которых юристы квалифицируют как *infames*, противопоставляя их *honestiores*, *locupletes*, *possessores* и *possidentes*. Из тех же текстов ясно видно, что они направляли свое оружие против тех, кто имел *ornamenta deposita* (CI, IV, 34, I), виллы⁵,

¹ L. H o m o, *Le Haut Empire*, P., 1933, стр. 599; C. J u l l i a n, *Histoire de la Gaule*, t. VII, P., 1926, стр. 51.

² J. G. M i l n e, *A history of Egypt under Roman rule*, L., 1924, стр. 52.

³ «Еврейская энциклопедия», т. VII, стр. 727.

⁴ P. M o m m s e n, *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*, IV, P., 1912, стр. 27, 185, 187; E. S t e i n, *Geschichte des Spätromischen Reiches*, I, Wien, 1928, стр. 153.

⁵ Dig., XXIX, 5, 2; ср. XLVII, 9, 3, 2.

дома с амбарами и складами продуктов¹, кто захватил в свои руки власть, землю, богатства и все источники его, кто отнял у них волю (Dig., X, 1, 2, 3, 10) и кто безмерно угнетал их. То, что приобретали эти *latrones* во время своих набегов (*incursio*), не было в их глазах грабежом, а военной добычей, взятой у своих классовых врагов. Именно безудержная эксплуатация, насилие и грабеж римских колонизаторов превращали трудящихся людей в провинциях в *latrones*. Об этом очень хорошо говорит Либаний в одной из своих речей. Нарисовав яркую картину произвола крупных землевладельцев и грабежа ими своих соседей — крестьян, он замечает: «вот, что превращает земледельцев в разбойников, вот, что влагает им в руки железо, не то, которое дружит с землей, а то, которое убивает»².

Latrones выступали открыто с оружием в руках, не страшась тех жестоких наказаний, которые ожидали их. Их всегда ожидало *summum supplicium* или *ultima poena*, к которому относились: *ad furcam damnatio*, *item vivi crematio*, *item capitis amputatio*, *deinde proxima morti poena metalli coertitia*³. По большей части их, захваченных живыми, распинали на крестах в местах нападений для устрашения населения и для «утешения родственников и соседей убитых ими лиц» (Dig., XLVIII, 19, 28, 15).

Месть римским колонизаторам, обречшим их на страдания, и общность жизни по несчастью в неприступных и непроходимых местах объединяли для борьбы всех беглецов от римского гнета. Из них поэтому легко составлялись вооруженные и обладавшие большой подвижностью группы, что делало для римских властей весьма затруднительной ликвидацию их. Когда против них посылались войска, они скрывались в свои убежища, в пещеры, в дремучие леса, в болотистые заросшие камышом места или в дикие горные ущелья, куда римские войска пробраться не могли, не говоря уже о том, что местное трудящееся население сочувствовало им, помогало им и укрывало их.

Иосиф Флавий описывает пещеры в горах Галилеи и Иудеи, где укрывались еврейские *latrones*. «Эти пещеры, находясь в отлогих горах, были неприступны ни с какой стороны; только очень узкие, извилистые тропинки вели вверх к ним, а скалы, на которых находились входы в пещеры, отвесно ниспадали вниз в зияющие пропасти»⁴. Албанские, Бебийские, Ардыйские и Скардийские горы в северной Иллирии давали приют иллирийским беглецам, боровшимся против римского гнета⁵. Родопские горы, покрытые густыми первенными лесами, укрывали фракийских *latrones*, которые, по словам Павлина Ноланского, «никогда не склоняли головы в рабстве»⁶. Болотистая и заросшая камышами низменность в дельте Нила, к востоку от Александрии, возле Гераклеяского рукава была излюбленным убежищем египетских *latrones* — *буколов*, как называли их. Гелиодор в своем романе «*Aethiopica*» подробно описывает эту мало-доступную местность (Heliod., I, 5, 6).

Со времени установления империи движение *latrones* приобретает все возрастающую силу и уже в «счастливейший век» Антонинов охватывает все провинции, несмотря на энергичные мероприятия римского правительства для подавления его. Однако источники сохранили нам только самые краткие сведения об этом движении.

В Сицилии во времена Августа некий Селур, став во главе большого вооруженного отряда, долгое время делал набеги на виллы рабовладель-

¹ Dig., XLI, 2, 3, 8; ср. 1, 15, 3, 2; CI, IV, 6, 5, 1.

² «Речи Либания», русск. перев. С. Шестакова, I, Казань, 1912, стр. 168.

³ Dig., XLVIII, 19, 28; ср. Bas., LX, 51, 26.

⁴ Jos. Flav., Bell. Jud., 1, 16, 4; ср. Ant., XIV, 15, 5.

⁵ CIL, V, suppl., ed. Pais, № 58, 1110; ср. JLS, 2646.

⁶ Paulin. Nol., Carm. XXX, de reditu Nicetae, Migne, PL, 61, стр. 487.

цев в окрестностях Этны. «Еще недавно,— пишет Страбон,— в наше время был отправлен в Рим некто Селур, называвший себя сыном Этны. Он предводительствовал вооруженным отрядом и долгое время блуждал в окрестностях Этны, совершая частые разбои. Мы видели, как он разорван был дикими зверями в гладиаторском бою на площади; он был положен на высокий помост, как бы на Этну; помост вдруг разломался и упал, а сам он попал в клетку, где помещались звери. Эта клетка... была нарочно приготовлена под помостом» (VI, 2, 6).

В то же время в Испании, по словам Диона Кассия, действовал «разбойник» (ληστῆς) Корокотта. Скрываясь в горах Испании, его отряды долгое время опустошали страну. Судя по очень краткому рассказу Диона Кассия, это было, повидимому, серьезное движение местного населения, порабощаемого римскими колонизаторами. Самое прозвище вождя этого движения — «Корокотта» — может свидетельствовать о том, какой большой страх внушал он римско-испанским рабовладельцам. Это прозвище, как говорит Дион Кассий, Корокотта получил от страшного дикого зверя, называемого *sogetas* и представлявшегося римлянам свирепым и чудовищным, помесью волка и собаки или тигра и львицы¹. Август вынужден был назначить награду в миллион сестерциев тому, кто доставит Корокотту живым. Но будто бы сам Корокотта воспользовался этим, чтобы вымолить прощение императора и осмелился лично явиться к Августу, который простил его и отдал ему обещанную награду (Cass. Dio, XV, 43). Так рассказывает Дион Кассий, но этот рассказ о прощении Корокотты слишком похож на анекдот.

В Иудее со времени установления империи начала разворачиваться борьба местных *latrones*, прозванных «сикариями». Эта борьба не прекращалась в течение ста лет. Во многих местах своих сочинений Иосиф Флавий с позиций своего класса прямо называет сикариев «скопищем бродяг», «шайками разбойников и убийц»². «Эти разбойники,— пишет он,— носили название сикариев... они пускали в ход ножи, по величине своей сходные с персидскими акинаками, а по изогнутости — с римскими *sicae*; от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народу, получили название сикариев»³. Однако из самого описания деяний этих «разбойников» можно ясно увидеть, что они не были простыми бандитами. Свои жертвы они выбирали не случайно, а нападали только на римских колонизаторов и местную еврейскую рабовладельческую знать, ненавидимую народом за то, что она поддерживала римское господство и саботировала народно-освободительную борьбу. «Сикарии,— пишет Иосиф Флавий,— восставали против тех, которые хотели подчиниться римлянам, и обращались с ними во всех отношениях, как с врагами, грабя их имущество, угоняя их скот и сжигая их дома» (Bell. Jud., VII, 8, 1). Сособенной ненавистью и яростью нападали сикарии на дворцы и виллы римских ставленников — иудейских царей, а также первосвященников, местных богатых торговцев, ростовщиков,— на всех тех, кто так или иначе поддерживал римское господство, так как извлекал из него выгоду для себя⁴.

«Ведь нет никакой разницы,— говорили сикарии,— между ними и чужими, ибо они постыдно продали свободу, за которую было так много войн, и сами полюбили римское рабство... Разбойники,— рассказывает

¹ Cass. Dio, LVI, 1, 43; ср. Plin., NH, VIII, 21, 30.

² Jos. Flav., Bell. Jud., II, 13, 13; 17, 6; V, 10, 5; VII, 8, 1; Ant., XX, 8, 10.

³ Он же, Ant., XX, 8, 10; ср. Isidor Hisp., Origin., XVIII, 6.

⁴ Jos. Flav., Bell. Jud., II, 22, 2; V, 1, 4; Ant., XVII, 10, 5; XVII, 10, 6 (против богатей); Bell. Jud., II, 17, 6; 13, 3; Ant., XX, 9, 2 (против первосвященников); Bell. Jud., II, 13, 3; 17, 6; Ant., XVII, 10, 7 (против ростовщиков и τῶς διαφόρους, т. е. приверженцев Рима).

Иосиф Флавий, — многих склонили к отпадению от Рима, воодушевляя их на борьбу за свободу; другим же, подчинявшимся римскому господству, они грозили смертью, заявляя открыто, что те, которые добровольно предпочитают рабство, должны быть силой принуждены к свободе. Разделившись на группы, они бродили по всей стране, грабили дома облеченных властью лиц, а их самих убивали и сжигали целые деревни. Вся Иудея была полна их насилиями, и с каждым днем эта война разгоралась все сильнее»¹. Это была классовая борьба, движение угнетенных и поработанных Римом народных масс. Только этим народным характером борьбы можно разумно объяснить тот факт, что, несмотря на жестокие репрессии и массовые казни, римские власти были не в силах подавить движение сикариев почти в течение ста лет.

Начиная со II в. в провинциях по всем большим дорогам и городам, а также в местах малолюдных и небезопасных правительство расставляло сильные отряды военизированной полиции (*stationarii, beneficiarii*), главной обязанностью которых было искоренение *latrones*. Тертуллиан в конце II в. говорил, что этими военно-полицейскими постами были покрыты все провинции (*Apolog.*, 2). Значительное число надписей, относящихся большей частью ко II в., свидетельствует о широко разбросанной сети таких постов². Особенно широко распространение получили эти посты в пограничных провинциях Галлии, Дакии, Паннонии, Норике и др., где *latrones* держали связь с «варварами» и часто при набегах последних вливались в их ряды»³.

На муниципальные города Востока правительство Антонинов возложило обязанность всеми мерами содействовать местным властям в их борьбе с движением *latrones*. С этой целью со времени императора Траяна в городах Малой Азии, а затем и в некоторых других городах Востока была учреждена руководящая должность принарха (*εἰρηνηάρχαι*), ежегодно назначаемого из числа *декапробтов*. Главной обязанностью принархов было наблюдение за общественным порядком и спокойствием⁴ и, в частности, преследование *latrones*. Для этого они имели в своем распоряжении специальные отряды пеших и конных стражников (*δωγυῖται*), при помощи которых охотились за *latrones* и после допроса и пыток передавали задержанных полицейским властям⁵.

Однако, несмотря на эти мероприятия, движение *latrones* в провинциях не только не прекращалось, но все более усиливалось. Эти многочисленные боевые отряды угнетенных масс, вооруженные и организованные иногда не хуже римских когорт, под руководством смелых и известных вождей (*famosi latrones*), чем далее, тем все более размножались, и никакие усилия, никакой террор не могли ликвидировать их. В сочинениях Апулея и Лукяна часто упоминается о разбойниках и счастливых атаманах разбойничьих шайк, которые представляли серьезную угрозу для спокойствия провинций, что, несомненно, является отражением действитель-

¹ Jos. Flav., Ant., XX, 8, 6; Bell. Jud., II, 13, 6.

² O. Hirschfeld, Die Sicherheitspolizei im römischen Kaiserreich, «Kleine Schriften», B., 1913, стр. 588; L. Robert, Etudes Anatoliennes, P., 1937, стр. 102; ср. JGRR, III, 784, 812; BCH, LII (1928), стр. 407.

³ Fabretti, Inscriptiones, II, 86; CIL, VII, 271; XIII, 5069, 5070, 5621, 6096, 6426, 6429, 6437, 6667, 8243; J. Jung, Fasten der Provinz Dacien, Innsbruck, 1894, стр. 177; Steiner, Codex inscriptionum Romanarum, V, 2918, 2948, 3033—3036, 3040, 3044, 3306, 3844—3850, 3855.

⁴ Aristid., I, стр. 523 (ed. Dindorf); Dig., L, 4, 18, 17; CI, X, 77: qui ad provinciarum tutelam quietis ac pacis per singula territoria faciunt stare concordiam. Подробнее об обязанностях принархов см. R. Cagnat, De municipalibus et provincialibus militiis in imperio romano, 1880.

⁵ Dig., XLVIII, 3, 6; ср. L, 4, 18, 7; CI, X, 75.

ности. Апулей рассказывает о фракийских *latrones*, которые под руководством некоего Гемона опустошали всю Македонию и для борьбы с которыми были посланы специальные отряды войск (Apul., *Metam.*, V, 5—7).

Гай, Мециан и Клавдий Сатурнин, юристы Антонина Пия и Марка Аврелия, также очень часто говорят о набегах *latrones*, во время которых угонялись целые стада у крупных собственников¹. Юристы подчеркивают силу *latrones* (Dig., XXXV, 2, 30 pr.; X, 2, 4, 2) и упоминают о заговорах и согласованных действиях их (Dig., XLVIII, 19, 16 pr.). Юрист Помпоний говорит о *latrunculis exterae gentis*, т. е. о туземном населении, боровшемся против римского гнета, и отмечает, что эти *latrunculi* занимали целые районы (Dig., XLIX, 15, 6). Большое количество надписей, дошедших до нас из пограничных дунайских провинций и относящихся ко II—III вв., также свидетельствует об интенсивной деятельности *latrones*².

Провинции Нумидия и Мавретания в первой половине II в. подвергались постоянным нападениям *latrones* (*latronum incursus*), и положение там при Антонине Пие было весьма серьезным. В 145 г. отряд *legio VI Ferrata*, стоявший в Иудее, был отправлен для усиления одного африканского легиона, действовавшего против *latrones*. Тогда же была проложена военная дорога через горы около Ламбесы (*mons Aurasius*) с целью облегчить войскам доступ в расположенный на возвышенности *salvus Aurasius*, который служил убежищем для *latrones*, создававших, по словам Фронтонна, серьезную опасность для собственников³. В нумидийско-мавретанской пограничной области источники II в. часто отмечают движение *latrones*. В 152 г. военный инженер Ноний Дат со своим эскортом подвергся нападению *latrones* по дороге из Ламбесы в мавретанский город *Saldae*⁴. Окрестности Ламбесы являлись одним из главных очагов движения *latrones*, и в 153—154 гг. сюда был отправлен друг Фронтонна Юлий Сенекс для руководства операциями против вооруженных отрядов *latrones*⁵. Против них же принимал энергичные меры и Коммод⁶.

О широко развитой этой формы классовой борьбы и о широком сочувствии к таким «разбойникам» со стороны угнетенного населения провинций в эпоху Северов мы можем заключить из того, какое большое внимание уделяют юристы этой эпохи вопросу о движении *latrones* и об укрывателях их, устанавливая для тех и других суровые наказания. В Дигестах мы находим многочисленные замечания Ульпиана, Маркиана, Павла, Папиниана и Каллистрата об интенсивных действиях *latrones* и о мерах, какие необходимо принимать для их поимки. Видно, как юриспруденция усиленно фиксирует свое внимание на этом социальном явлении и тщательно пытается ликвидировать его⁷. Ульпиан в книге VII «*De officio proconsulis*» возлагает на наместников провинций обязанность не только разыскивать *latrones*, но и *receptores eorum coercere, sine quibus latro diutius latere non potest* (Dig., I, 18, 13 pr.). При этом юристы требуют беспощадных наказаний для укрывателей, разъясняя, что *receptores non minus delinquant, quam adgressores* (Dig., XLVII, 9, 3, 3). Маркиан требовал, чтобы укрыватели подвергались таким же наказаниям, как и *latrones* (Dig., XLVII,

¹ Dig., XIX, 2, 9, 4; XVII, 2, 52, 3; XLVII, 8, 2, 21; XLVII, 14; de abigeis.

² CIL, III, 1579, 2544, 8009, 8021, 8242, suppl., 14587; Абр., 1901, № 18, 1934, №№ 72, 179, 203.

³ CIL, VIII, 10230, 2490, 2246; ILS, 2479; Fronton, I, стр. 236 (ed. Loeb).

⁴ CIL, VIII, 2728; ILS, 5795.

⁵ Fronton, Epist. ad Pium, стр. 169 (ed. Loeb).

⁶ CIL, VIII, 2495, 2498, 11048, 952, 22629.

⁷ Dig., XIII, 6, 5, 4; XXIII, 3, 5, 4; XXIV, 3, 21; XXXII, 1 pr.; XXXIX, 5, 3, 4, 1; XLVIII, 5, 3, 9; 9, 7; 19, 11, 2; XLIX, 15, 19, 2; 16, 14 pr.

16, 1), а Павел говорит о наказаниях для родственников *latrones* или близких к ним лиц, которые не доносят властям об их убежищах (Dig., XLVII, 16, 2).

Все это говорит о том, что в эпоху Северов движение *latrones* приобрело большой размах. Действительно, источники свидетельствуют, что при императоре Септимии Севере (193—211 гг.) многочисленные *latrones* опустошали многие провинции, и борьба с ними потребовала чрезвычайных усилий и жертв. Гражданская война, вспыхнувшая после смерти Коммода между претендентами на императорский престол, которая охватила многие провинции, могла только способствовать развитию революционного движения угнетенных масс. Руководимые опытными и смелыми вождями, *latrones* нападали на виллы и поля собственников, на незащищенные города, находя сочувствие и поддержку среди трудящихся масс и вызывая в некоторых районах открытые восстания против римских властей.

Это было широкое движение, которое потрясло государство в самом основании. Для подавления его, кроме полицейских частей, потребовалась мобилизация больших военных сил. Сейчас же после своей победы над Нигером и Клодием Альбином и связанных с ней кровавых гонений на своих политических врагов Септимий Север начал энергичную борьбу против революционного движения, охватившего одновременно и восточные и западные провинции. Дион Кассий рассказывает, что в 197 г. он лично принимал участие в борьбе против «некоего разбойника» Клавдия, который во главе многочисленного и хорошо вооруженного отряда долгое время опустошал Иудею и Сирию. Возможно, что этот Клавдий был иудеем и что сообщение Орозия о восстании самарян и иудеев при Септимии Севере было связано с этим движением Клавдия. По словам Диона Кассия, Клавдий едва не захватил в плен самого императора¹. Для того же 197 г. мы имеем одну надпись об осаде какими-то врагами города *Augusta Treverorum* (Трир) и о защите его Септимием Севером. Возможно, как предполагают некоторые исследователи, что эта надпись имеет в виду нападение на город вооруженных отрядов *latrones* (CIL, XIII, 6800).

Целый ряд источников указывает на то, что борьба против движения угнетенных масс достигла своего наивысшего напряжения в 206—208 гг. В Италии велась в это время борьба против отрядов «счастливого» Буллы, к которому бежало большое количество рабов и свободной бедноты². Это было серьезное движение, продолжавшееся около двух лет³ и стоившее правительству больших усилий. Несмотря на чрезвычайные меры и организацию специальных отрядов для ликвидации движения, Булла оставался неуловимым. Это несомненно говорит о поддержке движения со стороны местного трудящегося населения, дававшего повстанцам надежный приют. Этим в значительной мере объясняется и прекрасная осведомленность Буллы и его внезапные, смелые набеги (Cass. Dio, LXXVI, 10, 2). Движение удалось подавить не открытой силой, а в результате предательства любовницы Буллы: последний был захвачен во время сна, после чего его отряды были рассеяны (там же, 10, 7).

В то же время в Испании, Норике и Малой Азии революционное движение подавлял легат Септимия Севера Тиберий Клавдий Кандид (CIL, II, 4114: *adversus rebelles homines hostes populi Romani*). О напряженном положении в Малой Азии свидетельствуют также три надписи из Лидии,

¹ Cass. Dio, LXXV, 2, 4; ср. Oros., VII, 17.

² Cass. Dio, XXVI, 10, 5: πλείστους γὰρ ὄσους (τοὺς δοῦλους) τῶν Καισαρῶν εἶχε, τοὺς μὲν ὀλιγομίθους τοὺς δὲ καὶ παντελῶς ἀμίθους γεγυῶντας.

³ Там же, 10, 1: ἐλήζετο τὴν Ἰταλίαν ἐπὶ ἑστῆ ὁδοῦ.

которые говорят о создании Септимием Севером специального аппарата военизированной полиции — *κολλητῶνες*, размещенной в сальтусах и деревнях для наблюдения за крестьянами и для преследования *latrones*¹. К этому же времени относится серьезное движение буколов в Египте, с чем несомненно связан эдикт префекта Субатiana Аквилы от 206—207 гг., приказывавший беглецам-крестьянам возвратиться по своим домам (Pap. Gen., 10, 17; ср. Pap. Oxy., VIII, 1110). В 210 г. новый эдикт Субатiana Аквилы приказывал беглецам возвратиться по домам (Pap. Flor., 6, 10 сл.). Заслуживает внимания то, что эти беглецы обычно называются в документах «разбойниками» (*ληστῆς*). В начале III в. движение буколов усилилось, и в связи с этим усиливается в Египте и полиция. В каждую деревню назначали теперь по два полицейских начальника (*ἀρχέφοδοι*), которые были ответственны за спокойствие в деревнях. Они имели у себя целый штат низших чинов (*φύλακες*). Кроме того, в каждом округе находился высший полицейский начальник (*εἰρηνοφύλαξ*). Усиливается в это время и речная полиция (*παραποταμιαία*)².

Но, очевидно, регулярная полиция была бессильна бороться с движением *latrones*, и с III в. мы встречаем в папирусах частые упоминания о существовании специальных отрядов для вылавливания *latrones* (*ληστοκτασταί*). К этому делу принудительно в порядке литургии привлекались крестьяне. Но они, очевидно, весьма неохотно исполняли эту повинность. Целый ряд приказов издавался с целью понудить их к исполнению этой литургии под угрозой суровых наказаний³. Но эти приказы, очевидно, мало помогали делу. Крестьяне вместо поимки *latrones* давали им приют у себя, укрывая их от преследования полиции. Это подтверждает очень интересный папирус из Оксиринха от 210—214 гг., в котором содержится циркулярное письмо префекта Бибия Юлиана стратегам Гептаномии и Арсинои. В этом циркуляре префект дает строжайшее предписание всем местным властям с неослабной энергией вылавливать *latrones*. Он требует решительных действий и трижды указывает на опасность, которая угрожает номам, если власти будут пренебрегать этим делом. «Я уже в предшествующих своих циркулярах приказывал вам с неослабным вниманием разыскивать повсюду разбойников и предупреждал вас об опасности пренебрегать этим. В настоящее время я хотел бы вновь подтвердить свое распоряжение для того, чтобы все жители Египта знали, что я считаю эти розыски самым важным делом». К этому циркуляру приложен эдикт, который грозит суровым наказанием тому, кто укрывает *latrones* от властей. «Так как очевидно для всех, что невозможно искоренить разбойников, если укрывают их, то они должны быть лишены своих покровителей и тогда мы быстро уничтожим их. Имеется много причин давать им приют: некоторые укрывают их потому, что сами являются их сообщниками, другие, не сочувствуя...» (здесь папирус обрывается)⁴.

Краткие надписи отмечают подобные же движения и в других провинциях. В Мавретании в 206—208 гг. руководил розысками и искоренением повстанцев наместник П. Элий Перегрин (CIL, VIII, 9360). Тогда же в Бетике прокуратор Л. Компний Випсаний Салютарис производил суд и расправу над захваченными повстанцами (CIL, II, 1085; ср. 1389). Надпись из *Sicca Veneria* от 208 г. говорит о повстанческом движении в Нумидии (CIL, VIII, 1628; ILS, 429). Надпись, найденная близ Аквин-

¹ «Denkschriften der K. Akad. der Wissensch. in Wien», т. 57, I Abt. (1914), № 9, 28, 55.

² BGU, 321; 375, 6; P. Oxy., I, 80; P. Flor., 91; PSI, 734; P. Gen., I.

³ BGU, 325; P. Oxy., I, 80; Wilcken, Chrest., 401, 472, 473.

⁴ P. Oxy., XII, 1408. См. А. Д. Дмитриев, Буколы, ВДИ, 1946, № 4, стр. 99—100.

ка в Нижней Паннии и датированная 206—208 гг., свидетельствует, что в это время К. Юлий Септимий Кастин в качестве легата *legio I Minervia* во главе четырех векаллатион сражался в названной местности *adversus defectores et rebelles*¹. В Эфесе в 206 г. легионы занимались подавлением повстанческого движения (CIL, III, 427; ILS, 430), а в Британии в том же году велась *πάροχος πόλημος*, которая, без сомнения, была войной против повстанческого движения и в которой наместник провинции Вирий Люп (*Virius Lupus*) потерпел поражение (Cass. Dio, LXXV, 5, 4).

Все эти повстанцы в одной надписи, найденной в Риме, называются *saevissimi latrones*. Ясно, что они не были обычными разбойниками. На всем огромном пространстве империи, в провинциях, столь отдаленных друг от друга, почти одновременно легионы вели ожесточенную борьбу, конечно, не против деклассированных элементов, а против угнетенных масс. Движения были подавлены беспощадно, и, несомненно, именно по этому случаю в Риме в честь Септимия Севера был сооружен памятник с посвятельной надписью: *Genio exercitus qui extinguendis saevissimis latronibus fideli devotione Romanae exspectationi et votis omnium satis fecit* (CIL, VI, 234; ILS, 2011). Римские колонисты были ему благодарны, между прочим, и за то, что он так быстро и беспощадно подавил сопротивление эксплуатируемых масс.

Движение *latrones*, бывшее в своей сущности особой формой народно-освободительной борьбы, получило очень большое развитие и в эпоху так называемых «готских войн» на Дунае. Империи приходилось вести напряженную борьбу и против «варваров» и против *latrones* в тылу. Эти *latrones* действовали тогда на море и на суше и оказывали не знакомым с местностью «варварам» большую помощь². Во время вторжений они выходили из своих убежищ и нападали с тыла на отряды римских войск; они передавали «варварам» сведения о всех движениях римских войск, служили «варварам» верными проводниками, показывали удобные места для обороны или нападения. Во время стычек и сражений *latrones* бились совместно с «варварами» против безмерно угнетавшего их римского государства и всегда доставляли нужное продовольствие «варварским» войскам.

Борьба римского правительства против *latrones* в условиях почти непрекращавшихся вторжений «варваров» не приносила никаких эффективных результатов, и это озлобляло римскую власть. Императоры издавали строжайшие эдикты, направленные против *latrones*. Закон Гордиана III от 243 г. объявлял полную ненаказуемость для тех, кто убивал «разбойников» (CI, IX, 16, 2). В 265 г. Галлиен вновь подтвердил этот закон (CI, IX, 16, 3). Но эти эдикты мало помогали. Скрываясь в лесах и в горах, затравленные систематическими облавами, голодные и нищие *latrones*, несмотря на террор, неутомимо вели борьбу.

¹ CIL, III, suppl., 10471—10473; ср. ILS, 1153.

² IGRB, III, 481: *κατὰ θάλασσαν καὶ κατὰ γῆν*; ср. IV, 886; ILS, 8870.